

УДК 81'282.2(470.331)

DOI: 10.26456/vtfilol/2021.3.104

ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКОЕ НАСЛЕДИЕ В ТВЕРСКИХ ГОВОРАХ: ЭТАПЫ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ

И. М. Ганжина

Тверской государственный университет
кафедра русского языка

Статья посвящена исследованию этимологической истории некоторых лексических диалектизмов с затемненной внутренней формой в говорах Тверской области. Сделана попытка выявить мотивационные характеристики слов, связанных с польско-литовским влиянием, путем проникновения во внутреннюю форму слов, проследить их семантические связи с однокоренными лексемами в других славянских и индоевропейских языках. Анализируются историко-семантические преобразования, которые имели место при возникновении производных значений, в результате которых возникли новые слова, конкретизирующие в диалектах признаки, явления, действия и предметы.

Ключевые слова: *этимология, диалект, праславянский язык, индоевропейские языки, семантика, мотивация, внутренняя форма.*

Ценность русских диалектизмов и их роль в праславянской этимологии многоаспектны: это и сохранение индоевропейских и праславянских архаизмов, и сохранение праславянских диалектизмов, и свидетельствование эксклюзивных связей славянской лексики с лексикой других индоевропейских языков и таких же связей между диалектами праславянского языка, что обнаруживается целью лексемными соответствиями. Современными исследователями все больше внимания обращается на диалектную лексику отдельного славянского языка как особый объект этимологизации (см.: [1; 2; 3; 4; 9; 10; 17; и др.]).

В настоящее время актуальной является проблема этимологического изучения, дополнительной этимологической интерпретации диалектной лексики. Исследователи отмечают, что этимологические словари практически не восстанавливают семантическую историю слов, «подчас вообще оставляя без внимания разнородный набор его засвидетельствованных значений» [13, с. 54]. Между тем исследование производности диалектизмов позволяет порой не только обнаружить утраченные скрытые ассоциации, но и прояснить способы осмысления окружающей действительности, а также дает возможность уточнить источник заимствования.

© Ганжина И. М., 2021

Наблюдения над тверскими диалектизмами с переносным предикативно-характеризующим значением и неясной внутренней формой свидетельствуют об их генетической неоднородности. Помимо связей с различными говорами русского и других восточнославянских языков, можно обнаружить факты языкового родства с другими славянскими и даже неславянскими языками [5; 6], в том числе польско-литовские корни.

Еще В.И. Даль, рассуждая о чрезвычайной пестроте тверских говоров, в «Напутном слове» к своему словарю отмечал: «...какая-либо чуждая, побочная стихия внесла искажения, чему примером могут служить губернии Псковская и отчасти Тверская; там попадаются переделки на польский или белорусский лад и слышна поныне Литва, как в Новороссийском крае всюду отзывается наречие малорусское» [7, т. 1, с. XXVI]. И действительно, наш материал показывает связь тверских говоров не только с общеславянскими словами, но и непосредственно с польскими и одновременно с литовскими, что, по всей видимости, свидетельствует о заимствовании во времена существования Польско-Литовского государства, через пограничные смоленские говоры. Известно, что «сложная судьба Смоленского края, длительное время находившегося вместе с белорусскими и украинскими землями в составе Литовского и Польско-Литовского государств, способствовала формированию пёстрого смоленского диалекта, достаточно своеобразного по отношению к другим русским говорам и имеющего в языковом отношении много общих черт с белорусским языком и его говорами» [8, с. 4].

Покажем на примере некоторых пришедших через польско-литовское заимствование тверских лексем с неясной внутренней формой, обозначающих лицо, какие семантические трансформации претерпело изначальное значение слова, какие преобразования семантики имели место при возникновении нового, чисто тверского значения лексемы.

***Бастрыга* 'шалун'**

Вероятно, слово пришло на тверские земли из немецкого через польский или через южные говоры, куда могло приникнуть из украинского (*бастрыга* «шалун»). М. Фасмер отмечает слово того же корня *бастрык* в значении 'незаконнорождённый ребёнок' (ср. укр. *байстриук*, белор. *байструк*) и считает его заимствованным в восточнославянские языки через древнепольское *baster* (ср. польск. *bastard*) из ср.-в.-нем. *bastard* [15, т. 1, с. 132]. По-видимому, в среднерусском языке слово *бастрыга* употреблялось в своём первоначальном значении; А.И. Соболевский, опираясь на материалы ономастики, считал его ругательством [11, с. 345] – и действительно, в прошлом оно употреблялось в качестве прозвища: *Бастрыга, холоп в Пажеревитцком пог. 1539* [14, с. 41].

Однако в тверских говорах слово изменило своё значение: «незаконнорождённый ребёнок» > «ребёнок, который любит пошалить» > «шалун».

Брындик ‘стиляга, щёголь, модник’

По-видимому, слово пришло в тверские говоры с близких смоленских территорий (ср. в смоленских говорах *брындик* ‘лодырь’, *брынды* ‘широкие рукава крестьянской праздничной одежды’ [12, т. 3, с. 219]), куда проникло из польского – ср. польск. *brynda* ‘шутка, баловство’, *bryndzić się* ‘жеманничать’ [15, т. 1, с. 222].

Развитие значения у тверского слова, как кажется, шло следующим образом: «тот, кто предпочитает шутить, баловаться вместо того, чтобы работать» > «тот, кто любит красиво одеваться (возможно, в праздничные брынды»; а поскольку в такой одежде работать крестьянину было невозможно, то в смоленских говорах у слова развивается значение «лентяй») > «тот, кто всегда ходит красиво, празднично одетый» > «щёголь, модник».

Жлуктеря ‘кто ест молча’

В украинском и белорусском языках отмечено слово *жлукто* ‘корыто без дна’, куда оно, по-видимому, попало во времена Польско-Литовского княжества – ср. польск. *zlukto*; лит. *žluktas* ‘стиральный щёлок; чан для процеживания’. Вероятно, в тверские говоры слово пришло с пограничных смоленских территорий: ср. смоленское *жлукто* ‘корыто без дна’ [Там же, т. 2, с. 58].

Вероятно, метафорическое значение тверского существительного развивалось таким образом: «корыто без дна» > «кто ест и не насытится» > «кто ест молча» (т.е. полностью сосредоточившись на еде).

Каплушник ‘нахал’

Возможно, данное слово пришло из украинского через польский, если предположить его образование от укр. *каплун*, польск. *kapłun* ‘кастрированный петух’ из о.-сл. **karun*: появление звука *л* объясняют влиянием польского *kapłan* ‘священник’ [Там же, т. 2, с. 186]. Однако нельзя исключить возможность и другого объяснения: от *каплоухий* < *клапоухий* < *клапати* ‘хлопать’ в результате метатезы (ср. *каплоух*). В других говорах (как южных, так и северных) близкое по звучанию слово *каплюжник* имеет значение «пьяница, попрошайка» [12, т. 13, с. 54].

Кобеняк ‘грубиян’

В ряде русских говоров имеется родственное *кобень*, *кобенья* ‘твердолобый, своенравный, жеманный человек’, ‘кривляка, ломака’ [Там же, с. 357]. Н.М. Шанский отмечает, что глагол *кобениться* ‘важничать, кривляться’ – собственно-русское значение слова [16, с. 201], от *кобь* ‘всё плохое, негодный человек’, в диалектах ещё известного в значении ‘грубый, неповоротливый’. Русский глагол *кобенить* встречается на разных территориях в разных значениях: ‘корчить, сводить судорогами’, ‘упрямиться, не соглашаться на что-либо, заставляя упрашивать себя’, ‘бить’, ‘гнуть, корчить, ломать’, ‘обрабатывать землю’, ‘с трудом нести что-либо тяжелое’ [12, т. 13, с. 357]. Есть предположение о префиксальном образовании

этого русского глагола: **ko-beniti* [18, т. 10, с. 88]. Однако нам представляется, что в русский язык слово пришло из балтийских языков: ср. лит. *kābė* ‘крюк’, лит. *kabeti* ‘висеть’ [15, т. 2, с. 267], и подтверждение тому – диал. *кобенья* в значении ‘крюк стеной, для подвески чего-либо’ [7, т. 2, с. 317].

По всей видимости, отсюда пошло переносное значение: «крюк на стене» > «ломака, кривляка» > «грубиян» (в тверских говорах).

Крут ‘скородел’, **крутелица** ‘скородел’

По-видимому, в основе тверских слов лежит общеслав. **krōt, kręt*. Ср.: укр. *крутий*, рус.-цслав. *крутъ*, сербохорв. *крут* ‘толстый, твёрдый, грубый, тугой’, словен. *krôt* ‘яростный’, *krôto* ‘очень’, чеш., слвц. *kruty* ‘строгий, яростный, сильный, грубый, жестокий, суровый’, польск. *kręty* ‘кручёный, извилистый, сильный’, в.-луж. *kruty* ‘крепкий, твёрдый’ и т.п. [18, т. 13, с. 33]. Родственно лит. *krantas*, лтш. *krants* ‘крутой, высокий берег’ [15, т. 2, с. 386–387].

Изменение значения тверского диалектного слова могло идти таким образом: «крутой берег» > «крутой человек, делающий работу жёстко и яростно» > «скородел».

Лузга ‘клянча’

Родственно глаголу *лузгать* ‘очищать от скорлупы’, блр. *лузгаць*, сербохорв.-цслав. *лузгати* ‘жевать’, сербохорв. диал. *лузга* ‘чешуйка; змеиная кожа’, болг. *лузгам* ‘толкаю’, словен. *luzgati* ‘чистить’. Ср. лит. *luzgana* ‘шелуха, кожура’, *luzgis* ‘оборванец’, *nu-luzgęs* ‘оборванный’ [Там же, с. 530; 18, т. 16, с. 213].

Интересно, что тверское значение слова близко не к славянским, а именно к литовскому языку: «оборванец» > «оборванный попрошайка» > «клянча».

Думается, что подобная историко-этимологическая интерпретация большого массива диалектных слов позволит сделать выводы об этимологическом и историческом статусе и о генезисе говоров тверского региона. Даже предварительный анализ небольшого количества лексем позволяет говорить о глубоких исторических процессах проникновения некогда заимствованных слов, их адаптации в соответствии с фонетическими особенностями говора с использованием дополнительных средств преобразования семантики слов – в частности, посредством метафоры для придания речи большей выразительности.

Список литературы

1. Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.; Новосибирск: Наука, 2000. 768 с.
2. Варбот Ж. Ж. Алтайские диалектизмы на фоне славянской этимологии // Материалы и исследования по русской диалектологии. I (VII): К 100-летию со дня рождения Р. И. Аванесова. М.: Наука, 2002. с. 314–318.

3. Варбот Ж. Ж. Заметки по этимологии русской диалектной лексики // Этимологические исследования. Свердловск : УрГУ, 1988. с. 62–65.
4. Галинова Н.В. Из севернорусских диалектных этимологий II // Известия Уральского государственного университета. 2001. № 20. с. 109–114.
5. Ганжина И. М., Габлина Т.В. Переосмысление значений слов с индоевропейскими корнями в тверских говорах // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». № 1. 2019. с. 81–86.
6. Ганжина И.М. Отражение праславянского лексического фонда в составе тверской лексики // Тенденции развития современной отечественной филологии: материалы научно-практ. конф. к 65-летию проф. В.В. Волкова. Тверь : Твер. гос. ун-т, 2019. с. 103–112.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1989–1990.
8. Королёва И.А. Из истории фамилий Смоленского края. Смоленск: СГПИ, 1996. 156 с.
9. Куркина Л.В. Словенско-восточнославянские лексические связи // Этимология, 1970. М.: ИРЯ РАН, 1972. с. 91–102.
10. Петлева И.П. Этимологические заметки по славянской лексике. XV // Этимология, 1986–1987. М.: ИРЯ РАН, 1989. с. 44–54.
11. Соболевский А. И. Мелочи // Русский филологический вестник. Т. 66. № 3–4. Варшава: Тип. Варшавского учеб. окр., 1911. 480 с.
12. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–40. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2006.
13. Толстая С. М. Семантическая реконструкция в этимологии и этнолингвистике // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Ч. 1. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2012. с. 54–55.
14. Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имён. М.: Русский путь, 2004. 904 с.
15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1964–1973.
16. Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1971. 542 с.
17. Шарифуллин Б. Я. Проблемы этимологического изучения русской лексики Сибири. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1994. 191 с.
18. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Вып. 1–35. М.: Наука, 1975–2009.

POLISH-LITHUANIAN HERITAGE IN TVER DIALECTS: STAGES OF SEMANTIC EVOLUTION

I. M. Ganzhina

Tver State University
Department of Russian Language

The article deals with the etymological history of some lexical dialecticisms with an implicit inner form in the dialects of the Tver region. An attempt is

made to identify the motivational characteristics of the words, related to the Polish-Lithuanian influence, by penetrating into their inner forms, to trace their semantic connections with the single-root lexemes in other Slavic and Indo-European languages. The author analyzes the historical and semantic transformations that took place in the process of emergence of derived meanings, which resulted in the appearance of new words that concretize different features, phenomena, actions and objects in dialects.

Keywords: *etymology, dialect, proto-Slavic language, Indo-European languages, semantics, motivation, inner form.*

Об авторе:

ГАНЖИНА Ирина Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: emmaus1962@yandex.ru.

About the author:

GANZINA Irina Mikhailovna – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Russian Language, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: emmaus1962@yandex.ru.